

Тягуз, 1980, 19 окт.

И В Н О В Ы РАНЕВСКАЯ

МОСКОВСКИЙ академический театр имени Моссовета поставил комедию Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». Попастъ на эту премьеру — удача. Лишний билет спрашивают уже за квартал. Как написали бы рецензенты прошлого века, уважаемая публика валом устремляется к театральному подъезду.

Идут на Островского? На сей раз — не в обиду великому драматургу — нет! Идут на Сергея Юрского? Ведь это он поставил спектакль, да еще и играет в нем одну из ведущих ролей? И вновь — не в обиду талантливому режиссеру и актеру — нет! Люди идут смотреть Фаину Григорьевну Раневскую — в новой роли. Удивительная, восхитительная, прославленная актриса накануне своего 85-летия вновь вышла на сцену...

Уверен: театр запрограммировал себе успех заранее, в тот момент, когда получил согласие Раневской сыграть в новом спектакле. В таких редчайших и счастливейших случаях, выпадающих далеко не каждому театру, даже из разряда академических, он может брать любую пьесу и ставить ее, не очень-то заботясь об уровне всего спектакля: о слаженности актерского ансамбля, точности и оригинальности режиссуры... «Звезда» все равно ослепит всех своим ярчайшим светом, недочеты будут незамечены, отнесены в разряд мелочей, прощены. Ради удовольствия, ради счастья видеть высочайшее искусство актрисы. Театр имени Моссовета таким облегченным, хотя и беспроектным путем не пошел.

«Правда — хорошо, а счастье лучше» не принадлежит к наизнаменнейшим пьесам Островского. Она не поднялась до такого шедевра, как «Гроза». Тем не менее эта пьеса напоминает «Грозу». Воссоздан тот же смрадный, удущающий все живое купеческий мир с богатой самодуршей-хозяйкой, ее безвольным великовозрастным сыном, ее внучкой — пока уменьшенной, но точной копией бабушки, с многочисленной челядью, где каждый норовит урвать, своровать, обмануть. В этом мире невозможна любовь, основанная на чувстве (внучку Поликсену, влюбившуюся в «ученого», но бедного Платона, грозятся посадить под замок, а самого Платона — в долговую яму). Островского тут волновали в сущности те же проблемы, что и в «Грозе», — столкновение правды и лжи, порядочности и аморальности, те же страдания чистой души в темном царстве.

Однако Островский не повторился. Знакомый нам по «Грозе» мир, где царствуют кабанихи, на сей раз воссоздан не трагедийными, а комическими красками. Не драматург — само время сместило акценты. Купеческий мир уже не жил — отмирал. И Островский призвал проститься с этим миром, смеясь.

Режиссер Сергей Юрский «картины московской жизни» вековой давности увидел и прочитал на сцене именно как комедию. И если что-то и добавил Островскому от себя, то только юмор, используя для этого, разумеется, сугубо современные средства «смехотворчества». Спектакль идет в стремительном ритме, театральный круг вращается быстро, гремит духовой оркестр, а актеры... актеры не боятся рассмешить публику до слез. Уж если купец Амос Панфилич (артист М. Львов) — пьяница и самодур, то в гневе кидается душить всех... непричастных к его обиде. Молодая и властная Поликсена (актриса Н. Тенякова) так возжелала любви, что идет на свой «предмет», как танк, в буквальном смысле сметая все на своем пути, и любимого тоже. А до чего смешон отставной «ундер» Сила Ерофеич — Сергей Юрский. Старик то в пляс кидается, то — обнимать вдовушку, а сил уже нет, сердце заходится, руки дрожат, в боку колет... Юмора привнесено на сцену много — но все это «в кадрилль», как говорят герои пьесы, то есть в полном соответствии с мыслью драматурга и жанром пьесы.

Давно, сто лет назад — в дни самых первых премьер пьесы в Москве и Петербурге — публика аплодировала «разоблачительным» моно-

логам правдолюбца Платона. А теперь артист Е. Стеблов играет своего героя далеко не героем. «Жидковат» ведь оказался Платон — выпал ему чудом шанс жениться на внучке богатой купчихи, да еще и процентные бумаги в свои руки взять, — он и рад до полусмерти. Какой же это борец, чего же тогда стоят его «разоблачения» темного царства. Да он тем же миром мазан. Это такие, как он, изобрели «народную мудрость», что правда, мол, — хорошо, а счастье все-таки лучше.

Вот в этом веселом, умном спектакле и играет роль старой няньки Фаина Григорьевна Раневская.

Стала уже давно шаблонной фраза о том, что некий актер или актриса не играют, а живут на сцене. Вынужден, хочу даже повторить этот шаблон. Что поделаешь, если не играет, а действительно живет Раневская на сцене. Попробуйте разглядеть, какими актерскими приемами она пользуется. Может быть, вдруг начинают «разговаривать» ее руки? Может быть, какая-то поза вдруг «выдаст» в няньке Филицате актрису? Нет, не углядите.

Семенит по хозяйскому двору живая Филицата, перебирает на ходу пальцами, как четки, пестрый ситцевый платочек. Присядет в беседке «на чуточку», заговорит медленно, со значением произнесет каждое слово, как и подобает старой женщине. То умное словцо обронит, а то и чепухи нагородит — ведь безграмотная. Ни одного неестественного жеста, шага — все обыденно, привычно, знакомо.

А ведь персонаж-то тоже комедийный. И зритель чувствует это — и смеется, хотя не видит глазами абсолютно ничего, что может вызвать смех в этой доброй и мудрой старухе, которая одна «организовала» всей этой истории счастливый конец со свадьбой.

Каким-то удивительным секретом, чудом актерским обладает Фаина Григорьевна Раневская: быть предельно естественной в любом жанре — от трагедии до фарса. Ее искусство не поддается расшифровке. Да и нужно ли обязательно расшифровывать чудо таланта? Ведь это чудо!

Мы, зрители, отдаем себе отчет только в том, что обаяние искусства актрисы идет от ее человеческого обаяния, от ее личности. И мы получаем в сущности великое удовольствие не только от того, что прикоснулись к высочайшему искусству, но и от того, что вновь свиделись с самой Раневской.

Ю. КРЮЧКОВ.

На снимке: Ф. Раневская и С. Юрский в сцене из спектакля.